

УДК 398 (470.621)

К ПРОБЛЕМЕ ВИДЕОФИКСАЦИИ ФОЛЬКЛОРА: НА МАТЕРИАЛЕ АДЫГСКИХ СТЕРЕОТИПНЫХ МЕДИАТЕКСТОВ

М. М. Паштова (Мижаева)

Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований
им. Т.М. Керашева

В статье впервые обозначаются пространственные координаты и состояние современного адыгского фольклорного медиаполя. Дифференцируются основные типы видеофиксации фольклора, как профессиональные (кино-, теле- и научно-экспедиционные материалы), так и любительские. По критериям аутентичности/вторичности выделяются основные корпусы текстов. Обращается внимание на необходимость своевременной фиксации, систематизации и публикации фольклорной медиапродукции.

Space coordinates and status of modern adyge folklore mediasphere is for the first time identified in the article. Basic types of videofixation of folklore, professional (cinema, tv and science expeditionary materials) and amateur, are differentiated. Basic frames of the texts are marked out by the criteria of folkloric mediaproduction.

Ключевые слова: черкесы; адыги; видео; фольклор; устный нарратив; аутентичность; вторичность.

Keywords: circassians; adyghas; video; folklore; oral narrative; authenticity; unoriginality.

С распространением в быту средств видеофиксации фольклористы и непрофессиональные собиратели все активнее стали использовать их в поле. К явным преимуществам видеокамеры, как известно, относится возможность фиксации не только вербального текста, но и визуального образа (человека, ритуального действия).

Употребляя термин «видеофиксация» в визуально-антропологическом контексте, мы имеем в виду практику фольклорно-этнографических экспедиций в среде черкесов диаспоры и Кавказа, проводившихся сотрудниками Центра адыговедения АГУ, КБИГИ, АРИГИ с середины 1990-х годов [1].

«Видео действительно совершило настоящий переворот в экспедиционной работе исследователей традиционных культур», – пишет В.Л. Кляус [2, с. 85]. Он же обращает внимание на то, что видео, используемое фольклористами, несмотря на все его преимущества (всеобщая доступность, мобильность, оперативность), все же непрофессионально (в сравнении с кино и телевидением).

Видеофиксация, как известно, расширяет представление о культурном контексте посредством актуализации деталей поведенческого текста (мимики, жеста), бытовой и культовой атрибутики, облегчает вербальную и музыкальную расшифровку текста (позволяет наблюдать жестикуляцию, речевую и музыкальную артикуляцию).

В контексте проблем современной нарратологии речь идет об особом виде «говора» на камеру, условно обозначаемом как «видеонарратив». Визуальная динамика (кинематографичность, драматургичность) подобной записи минимальна, тем не менее, она значительно оживляет образ информанта, что повышает интерес к фольклорной медиапродукции.

Наряду с явными преимуществами работа с видеокамерой ставит перед собирателем ряд проблем, в т.ч. этнически (ментально) обусловленных. По очевидным причинам особенности работы в процессе аудиозаписи и видеозаписи фольклора во многом пересекаются, что представляется нам темой отдельного исследования. В данной статье мы попытаемся осветить некоторые аспекты и детали, методологически важные для современного состояния адыгской полевой фольклористики.

В современном черкесском (адыгском) фольклорном видеополе намечаются следующие типы видеофиксации:

Записи профессиональных фольклористов. Как уже было сказано, видеотехника используется в практике адыгских фольклорно-этнографических экспедиций вот уже полтора десятка лет. Однако на сегодняшний день, к сожалению, мы не имеем про-

фессиональных видеопубликаций полевых материалов, хотя аналогичный опыт в отечественной науке уже есть [3].

По современной методологии намечается тенденция фиксировать все, вплоть до окказиональных, эгоцентрических отступлений информанта. Здесь правомерно встает ряд вопросов, связанных с самим понятием аутентичности записываемого текста. В.Л. Кляус справедливо полагает, что человек с видеокамерой, вторгающийся в обрядовое пространство, нарушает естественный ход и натуральность действия [2, с. 95]. При этом автор считает, что скрытая видеосъемка снижает воздействие исследователя с камерой на поведение исполнителей. Наряду с тем, что скрытая запись позволяет сохранить натуральность всех составляющих фольклорного текста, она налагает на собирателя высокую ответственность за ее дальнейшее использование.

В нашей полевой практике многие сеансы записи устраивались по аналогу ритуализованного «сидения»/«говoreния» в гостиных: *хьэщIэщ зэхэс, жэщдэс, уэршэракIуэ, щысакIуэ* и пр. В профессиональных руках сам процесс аудио-, видеофиксации может реконструировать подобие традиционной коммуникативной ситуации. Так, Р.В. Унароковой детально описаны некоторые традиционнo-коммуникативные аспекты, актуализировавшиеся в ходе посещения фольклористами частных домов и офисов черкесских общественных организаций Турции, которые вот уже много десятилетий являют собой аналог традиционных гостиных (кунацких). Говоря о стереотипных словесных поединках, автор указывает, что члены экспедиции не раз оказывались их свидетелями, а порой и участниками [4, с. 17].

Включаясь в интуитивно выстраиваемый информантом разговор в виде диалога, собирателю иногда необходимо позиционировать именно себя как главного адресанта. Это дает информанту ощущение защиты его компетенций перед лицом возможных зрителей. В случае присутствия третьих лиц, т.е. в ситуации полилога, коммуникация приобретает часто характерные агонистические (соревновательные) черты, что диктуется ментально заданным поведенческим типом черкесов. При этом значение имеет статус самого собирателя в обследуемой локальной традиции: «свой или чужой» (если «чужой», то «гость»), его социальная и/или профессиональная компетентность, способность проявить волю и «правильно» расставить ролевые акценты, направить разговор, независимо от априори установившихся отношений (социальных, семейных, половозрастных и пр.). Самым важным требованием является умение создать атмосферу психологического комфорта, неофициальности общения, «нерепортажности», «непрезентативности».

Семейные, любительские видеозаписи на бытовые камеры, телефоны. Этот вид видеозаписи заметно отличается признаками аутентичности вследствие нескольких причин: запись производится, как правило, в естественной коммуникативной ситуации («*щысакIуэ*», «*уэршэракIуэ*» – молодежные, соседские посиделки, семейные праздники и пр.); записывающий – «свой» для конкретной социальной группы, запись не рассчитана на демонстрацию «для чужих», следовательно, эстетизация и презентационность сообщаемой информации сведены к минимуму. В социальных сетях любительские записи фольклора пользуются особенной популярностью ввиду приближенности коммуникативной среды интернет-поля черкесской диаспоры к традиционной (инклюзивность, этикетность, доверительность, открытость, соревновательность), по этой же причине они должны быть востребованы в научной среде. «Фольклористичность» подобных записей определяется повышенным вниманием к тексту и его исполнению.

Записи профессиональных тележурналистов. Эта разновидность фольклорных записей представляет собой наиболее «литературизованную» форму, со всеми признаками вторичности: стабильность, доминирование новаций, индивидуальные рефлексии (по К.В. Чистову [5, с. 29]). Фиксируются преимущественно низкоконтекстные образцы (не нуждающийся в сопроводительном предании текст) классических фольклорных жанров, наиболее известные варианты. По понятным причинам за рамками профессиональных интересов журналистов остаются разрушенные тексты («непонятные», рудиментарные, фрагментарные). Видеозаписи фольклора, хранящиеся в архивах телерадиокомпаний адыгских республик, активно используемые в телепроектах, представляют значительный интерес и для профессиональной фольклористики.

Как мы можем заметить, высокий статус фольклорного текста во многом определяет его шансы быть «удостоенным» видеозаписи. В этом смысле статус текста часто коррелирует со статусом информанта – языковым, социальным, половозрастным. Так, нам не раз приходилось сталкиваться с ситуацией, когда по прибытии в регион, где планируется фольклорная экспедиция, наши помощники из местных активистов поначалу произвольно отбирали информантов чуть ли ни по готовому списку. При этом, как они считали, важны следующие качества: языковая и социальная компетентность информанта, привычность к микрофону (камере), «презентативность» как самого человека, так и этнических знаний, им воспроизводимых, их универсальность, общеизвестность и т.д.

Практика функционирования в диаспоре черкесских благотворительных обществ (хасэ, дернек) привела к иницированию «показательных» видеозаписей фольклора в гостиных. При этом, естественно, приветствуется большее количество стариков (по представлению организаторов, представительность способствует большей престижности, информативности), заданность тем для обсуждения, приоритет за этнографическими описаниями (обрядов, ритуалов, циклов) в ущерб собственно словесным жанрам и текстам. Все это создает, с одной стороны, подобие реконструкции традиционной коммуникативной ситуации в гостиной (*хьэщIэщ*), с другой, – любительский аналог телепередачи. Подобные записи фольклора, осуществляемые в диаспоре в условиях дефицита профессиональных фольклористов, обладают исключительной важностью в условиях неотвратимого разрушения традиции, утраты языка, наряду с этим они отличаются большей «этнографичностью», нежели «фольклористичностью», поведением, диктуемым доминированием видеокамеры и видеозаписи как таковой. Если фольклорист по мере своих возможностей пытается внушить информанту мысль забыть о видеокамере (диктофоне), то инициаторы постановочных зэхэс априори закладывают последующую презентабельность, демонстрационность записи.

В условиях стремительного распространения профессиональных теле- и киносъемок с участием представителей старшего поколения как носителей традиционной культуры мы наблюдаем некоторые последствия подобного «вторжения» в фольклорное поле. Так, в своей полевой практике мы не раз слышали от информантов вопросы типа: «Я должна (должна) рассказать тебе это так же, как в том репортаже?.. как той американке?..». Под этим вопросом может подразумеваться и «натуральность» текста (например, употребление ненормативной лексики) в случаях, если информант уже сталкивался с профессиональным собирателем.

Следуя нашим просьбам найти нам не имеющих образования, «не видевших мир», не покидавших привычной среды обитания информантов, активисты местных благотворительных обществ начинают постепенно понимать, что презентативность – не главная цель наших поисков. Расположение к тому же самому каждому нового информанта в условиях все более распространяющихся видеозаписей и их последующих демонстраций – необходимая, хотя иногда и затруднительная задача. Это особенно актуально в диаспоре, в условиях доминирования иноэтнического окружения, социального и субэтнического расслоения внутри черкесского общества, поскольку, например, такое требование как *инклюзивность* современного стереотипного видеонаратива коррелирует с названными факторами, вероятностью «быть увиденным» впоследствии.

В черкесской диаспоре в условиях отсутствия письменности мы можем наблюдать, как зафиксированный фольклорный текст приобретает свойства литературного: аудио- или видеозаписи авторитетных информантов вот уже несколько лет распространяются в качестве информационно-языковых эталонов. В нашей полевой практике встречались случаи, когда один информант просил нас поделиться копией записи другого информанта, с целью «узнать новое, проверить свои знания». Таким образом, материальное закрепление, о котором говорил В.К. Чистов [5, с. 31], культивирование и активная циркуляция зафиксированного аутентичного видеоварианта могут играть роль в процессе «литературизации» текста, проявления свойств вторичности.

Определенный круг сложностей относится к налаживанию непосредственного контакта с информантом. Микрофобность (иногда кажущаяся), отказ от общения на камеру обусловлены формальными (этикетными), социальными, индивидуально-психологическими мотивировками. Так, например, во время работы в семье отно-

---

шения между представителями разных половозрастных и социальных групп (свекровь/свекор и невестка, гости и хозяин) будут актуализироваться как в непосредственном общении, так и в кадре.

Цели и характер записи (глубинное интервью, игровое прение, «репортаж») и соответствующий настрой в общении во многом определяют характер диалога, поведенческую активность информанта. Видеофиксация (соответственно, в представлении информанта, обязательная последующая демонстрация) усиливает необходимость в соблюдении общепринятых этнокультурных норм.

Соблюдение этикетных требований в условиях полевой работы, как правило, моделирует привычную ситуацию общения, актуализирует этническую (духовную) идентичность собирателя и информанта. С другой стороны, конвенциональное «нарушение» принятых норм может служить сигналом к неофициальности разговора. Так, например, в рамках структурирования рабочего пространства – рассаживание не по этикету, а по требованию камеры – более предпочтительным для записывающего («гостя») является не почетное «верхнее» место (*жъантIэ*) среди присутствующих, а нахождение за камерой.

Всякий опытный фольклорист на определенном этапе своей профессиональной деятельности должен решить для себя проблему скрытой записи. В этом смысле он должен обладать навыками психолога, чтобы привычно распознавать, насколько формальна просьба информанта выключить камеру, и адекватно реагировать на нее. Так, в нашем полевом опыте мы сталкивались со случаями, когда рассуждения на некоторые темы от своего имени информант считал не совсем уместными, отсылая нас к более «высокостатусным» сказителям: более старшему по возрасту, уважаемому, известному, к более «умному» (т.е. социально-компетентному). При этом подобные словесные оговорки и прелюдии к общению с собирателем, как оказывается, вовсе не означают действительной неосведомленности, а являются лишь данью этикету, несмотря на то, что упоминаемое третье лицо не присутствует при этом. Наши информанты с почтением в голосе заявляли нам, что «теперь уж некому об этом достойно рассказать, наших старших, тех, кто обладал этими знаниями и талантом рассказчика, давно уж нет». После такого рода этикетно-речевых прелюдий собиратель должен выдержать некоторую паузу, и его интерес будет, как правило, удовлетворен качественным сообщением, если повезет – добротным фольклорным текстом. Скажем больше: один из самых авторитетных информантов Али Шоген (фольклорное поле черкесов Турции) на одной из любительских видеозаписей, явно предназначенных для широкой демонстрации (циклическая разбивка на треки с заглавиями на турецком языке [6]), настолько сильно акцентировал свою якобы некомпетентность в вопросах хабзэ, что непосвященным сторонним наблюдателем-неадыгом подобная этикетно-речевая прелюдия может быть воспринята на грани самоуничтожения.

Из своего опыта мы можем констатировать, что в некоторых ситуациях диктофон бывает предпочтительнее, чем камера. Разговор, продолжающийся во время и после размеренного «ритуализованного» отключения видеоаппаратуры, складывания штатива, блокнотов и пр., обязательно должен записываться на диктофон, т.к. зачастую этот момент и является началом подлинно откровенной беседы, и не озабоченный собственным видеообразом информант начинает, наконец, извлекать из своей памяти нужную информацию, излагать ее в непринужденном стиле.

Контекстуальная обусловленность характера речи информанта часто коррелирует с его внутренней свободой и независимостью от потенциальной аудитории, которая выстраивается по его собственному представлению по ту сторону объектива видеокамеры. Степень свободы и открытости информанта, иногда – его маргинальные качества во многом структурируют характер сообщаемой информации, ее прагматические и информативные свойства: «текст для других», «текст для себя» или «текст в себе».

Характер и структура полилога «собиратель – информант – аудитория» во многом могут стимулировать активность информанта. На примере из нашей полевой практики мы можем убедиться, что информант, изначально не желающий «раскрываться» – демонстрировать свои истинные исполнительские качества – живо реагирует на нарочито «некомпетентные» рассуждения между собирателем и аудиторией. Так, информантка Р.К. (аул Инжичишко КЧР, экспедиция 2007 г.) никак не соглашалась на наши просьбы исполнить популярную женскую песню-сетование по-

слевоенных лет. Мотивация отказа традиционная: в моем возрасте не пристало петь любовную песню, тем более, что это потом «где-то покажут». На наше предложение спеть при отключенной видеокамере она поначалу также ответила категорическим отказом, при этом информантка несколько раз вставала и подходила к нам, наблюдая в экране видеискателя запись игры на гармонике, осуществляемую параллельно. Наконец, тронутая мелодией и «не совсем достоверными», недостаточно эмоциональными рассуждениями присутствующих по поводу истории данной песни, трагической судьбы ее сочинительницы, информантка сделала следующее: сев напротив видеокамеры, она сорвала с головы платок, сосредоточилась и звучным голосом пропела полноценный, уникальный местный вариант искомой «Песни о Нухе Абрегове» и рассказала свою версию предания. Жест обнажения головы перед видеокамерой в данном случае – жест душевного самообнажения, сигнал собирателю, означающий примерно следующее: «моего пения не должен видеть тот, кто не может видеть меня с непокрытой головой» (т.е. «чужой» в нескольких смыслах: социально чужой – старший мужчина из другого рода, психологически чужой – человек, не разделяющий эмотивного посыла послевоенной «песни разве-денки»).

Сбор фольклорных видеоматериалов (накопление в экспедициях, отбор публикаций в социальных сетях, коллекционирование телевизионных записей, семейных видеоархивов), их изучение, систематизация, практическое применение в исследовательских и образовательных целях сопряжены с активным включением самого собирателя в современное фольклорное медиаполе, познанием законов его бытования, умелым позиционированием себя в описываемом виртуальном пространстве: в каждом случае по-разному, в зависимости от контекста: «своего» или «чужого», как чуткого и активного адресата, так и равного среди большого количества адресантов. Это позволяет создать необходимые оптимальные условия для «погружения» информанта в атмосферу, приближенную к первичной. Понятно, что в условиях современного фольклорного поля это больше относится к рекреативному, развлекательному контексту коммуникации, нежели к обрядово-ритуальному, трудовому.

Таким образом, имеющиеся сегодня в черкесском фольклорном медиапространстве (научных, семейных, телевизионных архивах, интернете) записи образуют три основных корпуса стереотипных текстов:

- аутентичные тексты, записанные как фольклористами, так и любителями в естественных условиях или максимально приближенных к ним [7];

- «пограничные» тексты: аутентичные по стилю, каналу трансмиссии, частично – по характеру функций (рекреативность, информативность, регулятивность), вторичные по признакам осознанности, презентативности, стремления к «стабилизации» текста. Сюда преимущественно относятся видеозаписи, фиксирующие фольклорные явления «репродуцирующего» типа (молодежные городские ансамбли, осознанно культивирующие как свои локальные, так и общеадыгские фольклорные формы [8]), а также организованные любителями записи ритуализованных бесед (зэхэс, уэршэр) известных старожилы;

- тексты, которые с точки зрения аутентичности/вторичности можно условно охарактеризовать как «видеолитературу»: стабильные, с выраженным авторским началом, «рефлексирующие» тексты, ориентированные на самого широкого адресанта [9].

Очевидно, что границы обозначенных типов видеотекстов довольно прозрачны, и мы в очередной раз сталкиваемся с проблемой критериев аутентичности/вторичности, с настоятельной необходимостью рассмотрения каждого конкретного случая, индивидуальностью того или иного явления традиционной культуры. Начальные цели и характер видеозаписи в конечном итоге определяют функциональные, жанровые, прагматические, эстетические свойства видеопродукта.

Все более очевидной является необходимость использования разного вида записей в качестве видеоприложений к фольклорным сборникам. «Если исследователь собирается показывать материал, он должен сделать его способным быть посредником, т.е. адекватно опосредовать культуру» [10]. Предметом отдельного исследования, актуального для сегодняшнего состояния адыгской фольклористики, являются вопросы методологии структурирования медиаприложений к текстовым сборникам: параметры «нарезки» видеозаписей, жанровые, количественные, каче-

ственные, технологические характеристики прилагаемых образцов (текст, текст+сопроводительный контекст, контекстные нарративы), способы их дифференциации, соотнесения.

ПРИМЕЧАНИЯ И ЛИТЕРАТУРА

1. Наблюдения, изложенные в статье, сделаны преимущественно в ходе фольклорно-этнографических экспедиций 2007 г. в Карачаево-Черкесии и 2009 г. в Турции. См. об этом наши статьи: Паштова М.М. Игровые институты в фольклорной культуре черкесов Турции: на материале экспедиции 2009 г. // Вестн. Адыгейск. гос. ун-та. 2010. Вып. 1. С. 50-57; Ее же. К проблеме описания локальных фольклорных традиций // Вестн. Адыгейск. гос. ун-та. 2011. Вып. 2. С. 29-35.
2. Кляус В.Л. К проблеме видеофиксации фольклора // Первый Всерос. конгресс фольклористов: сб. докл. Т. III. М., 2006. С. 83-97.
3. URL: <http://www.imli.ru/structure/bibl/klyaus.php>; <http://www.imli.ru/online/link/folkCD/folkloreCD.php> (дата обращения: 20.12.2010).
4. Унарокова Р.Б. Фольклор адыгов Турции. Вступительная статья // «Тыркуем ис адыгэжэр. Гырыуатэр». (На адыг. яз.) / сост. и ред. Р.Б. Унарокова. Майкоп, 2004. С. 15-24.
5. Чистов К.В. Специфика фольклора в свете теории информации // Чистов К.В. Фольклор. Текст. Традиция. М., 2005. С. 26-43.
6. Архив автора. Информант Али Шоген (1925 г.р., сел. ШкГэбэхъуей-Узун-Яйла - Анкара). Видеозапись сделана Сезаи Ципиновым, любезно предоставлена автору учителем черкесского языка Зафером Шежоко (Анкара - Майкоп, 2011).
7. URL: <http://www.youtube.com/user/uzunyaylacom#p/u/3/VKdEf1CtIwE>; www.saganur.com (дата обращения: 01.02.2011).
8. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=qkHnUtdFUT0&feature=share> (дата обращения: 01.02.2011).
9. Видеоархив общественного фонда KAFDAV (Турция); официальный сайт. URL: <http://www.kafdav.org.tr/>; видеосикл «Uzunyayla». URL: <http://www.facebook.com/l.php?u=http%3A%2F%2Fvimeo.com%2F9049999&h=xAQDFpaGjAQAVdle8n5GCh1EpNe2dzio3V2Tn1EN6P6gL-Q> (дата обращения: 01.02. 2011).
10. Христофорова О.Б. Полевые методы в визуальной антропологии. URL: <http://www.ruthenia.ru/-folklore/hristoforova3.htm> (дата обращения: 11.08.2011).

Поступила в редакцию 10.08.2011 г.
Принята к печати 21.03.2013 г.